

Р Ъ Ч Ъ

при гробѣ о. В. М. Петрова, сказанная во время отпѣванія сослуживцемъ почившаго по реальному училищу свящ. М. Архангельскимъ.

Возлюбленный во Христѣ братъ нашъ, глубокочтимый о. протоіерей Василій Михайловичъ!

Новочеркасское реальное училище въ лицѣ нашемъ шлетъ тебѣ, своему уважаемому законоучителю, послѣдній прощальный привѣтъ и молитвенное пожеланіе царства небеснаго.

Говоримъ не обинуясь: *уважаемому* законоучителю.

Когда, около одиннадцати лѣтъ тому назадъ, Господь судилъ мнѣ вступить въ среду наставниковъ realнаго училища и стать твоимъ соработникомъ въ преподаваніи юношамъ Зкона Божія, то я былъ пріятно удивленъ тому уваженію и тѣмъ знакамъ вниманія, какія имѣлъ ты отъ твоихъ сослуживцевъ. Думалъ я: счастливъ законоучитель, который умѣлъ такъ прекрасно, съ такимъ достоинствомъ поставить себя въ товарищеской средѣ. Всматриваясь дальше и глубже, я больше и больше убѣждался въ томъ, что уваженіе къ тебѣ было искреннее и тобою заслуженное. Твой богатый умъ, сильный и острый отъ природы, развитый образованіемъ, обогащенный познаніями; твой богатый житейскій опытъ и мудрый тактъ въ словахъ, поступкахъ и всѣхъ дѣйствіяхъ; твое сердце, благожелательное ко всѣмъ и полное глубокой христіанской православно-русской вѣры, которую ты не стыдился исповѣдывать ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ; твоя воля твердая и рѣшительная, не знавшая преградъ и препятствій; твоя удивительная энергія и трудоспособность; твоя примѣрная аккуратность и исполнительность въ дѣлахъ служебнаго долга; твое всегдашнее благодушіе и жизнерадостность; простота и привѣтливость обхожденія; даръ

слова и другія высокія качества твоей души, находясь въ стройномъ сочетаніи, всегда внушали уваженіе къ твоей личности и естественнымъ образомъ выдвигали тебя впередъ, дѣлали въ нашей средѣ человѣкомъ большимъ, выдающимся. Какъ во всѣхъ отрасляхъ своей многосторонней дѣятельности—пастырской, церковно-административной, общественной, такъ и въ дѣлѣ педагогическомъ ты былъ *мужемъ совѣта*. Совѣтовъ твоихъ мы искали и дорого ихъ цѣнили, къ голосу твоему прислушивались и съ мнѣніями твоими почасту сообразовались. Во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ училищной жизни—печальныхъ, радостныхъ, торжественныхъ—ты всегда выступалъ впередъ и своимъ мастерскимъ словомъ являлся прекраснѣйшимъ истолкователемъ нашихъ общихъ чувствъ.

Когда исполнилось 25 лѣтъ твоей служебной дѣятельности, твои сослуживцы по реальному училищу, въ чувствѣ глубокаго уваженія къ тебѣ, сочли себя обязанными достойнымъ образомъ почтить тебя. Такъ недавно это было; не прошло еще двухъ лѣтъ. Много тогда всѣми высказано было тебѣ самыхъ сердечныхъ пожеланій. Но, увы! сбыться имъ не суждено. Въ радости душевной возглашали тебѣ многая лѣта, а нынѣ, такъ скоро, съ печалію сердца слушаемъ надъ твоимъ гробомъ вѣчную память. Такъ слабо, такъ бездѣйственно слово человѣческое! Только у Бога не изнеможетъ всякъ глаголь (Лук. 1, 37). И нынѣ, со смиреніемъ сердца преклоняясь предъ неисповѣдимыми путями Господа Вседержителя, Владыки жизни и смерти, мы горячо молимъ Его даровать тебѣ блага вмѣсто временныхъ—вѣчныя, вмѣсто земныхъ—небесныя, вмѣсто тлѣнныхъ—нетлѣнныя.

Мудрый наставникъ! Прими прощальный привѣтъ и отъ многочисленныхъ евоихъ учениковъ, прежде бывшихъ и настоящихъ. Много твоихъ питомцевъ давно уже со-

стоятъ на различныхъ служебныхъ поприщахъ (*). Въ ихъ трудахъ и твоя есть доля. Ихъ ты училъ, воспитывалъ, готовилъ къ жизни словомъ и примѣромъ собственной трудовой жизни.. Износимое тобой изъ богатой сокровищницы твоего ума и сердца представляло всегда живой интересъ для всѣхъ, а въ частности для учащихся. Только въ сердцахъ суровыхъ и строптивыхъ не всегда вмѣщалось твое учительное слово, потому что было словомъ правды и нерѣдко — отеческаго обличенія и вразумленія. За то тѣмъ обильнѣйшій плодъ приносило оно въ сердцахъ мягкихъ и отзывчивыхъ. Въ началѣ этого учебнаго года, говоря свое обычное слово за молебномъ передъ началомъ ученія, ты всѣмъ намъ очень трогательно, утѣшительно и поучительно рассказалъ о томъ, какъ двое изъ учениковъ нашего училища, по окончаніи курса, ходили минувшимъ лѣтомъ пѣшкомъ на богомолье въ такъ наз. Криничку, какъ горячо они тамъ молились, благодаря Бога за оказанныя милости и испрашивая новыхъ, какъ благоговѣнно приложились къ чтимой иконѣ, пили святую воду, приняли благословеніе священника и съ бодрымъ духомъ возвратились пѣшкомъ же въ Новочеркасскъ. Дорогой собратъ! Позволь сказать тебѣ: вѣдь эти добрые юноши—*твои* ученики! Въ нихъ твоя лучшая похвала. Они красивѣйшіе цвѣтки въ твоёмъ законоучительскомъ вѣнкѣ. А сколько такихъ цвѣтовъ, сколько вѣнковъ на всѣхъ поприщахъ твоей служебной дѣятельности?! Счастливъ ты, что такъ много и съ такой пользой потрудился въ жизни твоей!

Почившій собратъ! Когда вчера вечеромъ были провождаемы твои бранные останки отъ дома до этого мѣста, твои соработники на нивѣ духовнаго сѣянія, оо: законоучители среднихъ учебныхъ заведеній г. Новочеркас-

(*) Одинъ изъ нихъ — инспекторъ нашего училища В. М. Аванасьевъ.

ска просили и отъ нихъ передать прощальный привѣтъ и молитвенное пожеланіе царства небеснаго тебѣ, нашему старѣйшему и опытнѣйшему брату. Благодаримъ тебя за добрыя отношенія къ намъ; за то, что дѣлилъ съ нами наши законоучительскія радости и горести; благодаримъ за тѣ искры свѣта и добра, которыя изъ твоего мудраго ума и вѣрующаго сердца западали въ наши умы и сердца. А я, твой ближайшій сотрудникъ въ законоучительскомъ дѣлѣ, работавшій съ тобой на одной бороздѣ, приношу тебѣ за все доброе, что видѣлъ отъ тебя, особенную благодарность, а въ чемъ согрѣшилъ передъ тобой, въ томъ прошу дать мнѣ христіанское прощеніе.

Прощай! Еще мало, и ты навсегда сокроешься отъ глазъ нашихъ въ темной могилѣ... Но вѣра наша (вѣра, которой такъ богато было твое сердце!) зрѣтъ сквозь землю. Ей ясенъ путь замогильный... О, если бы благій Иисусъ, разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ рая сподобившій, удостоилъ селеній райскихъ и тебя, устремлявшагося къ Нему сердцемъ своимъ во всю свою жизнь. О, если бы Спаситель нашъ, рекшій: „приидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Мѣ. 11, 28), далъ Свой блаженный покой и тебѣ, утружденному и обремененному жизнию! Если Господь удостоитъ тебя одесную стоянія, то тамъ, у небеснаго жертвенника, помолись Богу о насъ, твоихъ соработникахъ, чтобы Онъ далъ намъ силы, взирая на твой доблестный примѣръ, достойно проходить высокое и трудное служеніе наше. А о питомцахъ твоихъ умоли Создателя, чтобы укрѣпилъ въ ихъ сердцахъ вѣру правую и несовратимую и направилъ ихъ жизнь по заповѣдямъ Христовымъ. Мы же, пока живемъ и движемся по землѣ, не перестанемъ молить Бога, чтобы Онъ, простивъ вся прегрѣшенія твоя вольная и невольная, вселилъ тебя тамъ, гдѣ празднующихъ жилище, гдѣ лики Ангеловъ и Святыхъ непрестанно возносятъ славу въ вышнихъ Богу.

Прощай, дорогой братъ, сослужитель и наставникъ!
По молитвамъ нашимъ да будетъ тебѣ!

(Окончаніе будетъ).

РѢЧЬ

при гробѣ о. В. М. Петрова, сказанная во
время отпѣванія товарищемъ почившаго по
семинаріи прот. А. Григорьевымъ.

Дорогой собратъ, товарищъ и другъ, о. Василій Ми-
хайловичъ!

Судя по человѣчески, не думалось и мнѣ и другимъ
видѣть тебя такъ скоро во гробѣ, но Богъ судилъ иначе
и... да будетъ благословенна Его святая воля, полагающая
предѣлъ земному странствованію každаго человѣка *во вре-*
мя свое. Значить, ты уже созрѣлъ для будущей жизни и,
какъ спѣлый колось, срѣзанъ въ житницу Господню. И

вотъ собрались нынѣ всѣ мы, еще здѣ странствующіе, отдать послѣдній долгъ тебѣ, въ иной міръ отошедшему. Знаю, братъ, что тебѣ не нужны теперь какія-либо слова или похвалы мои, но у гроба твоего, предъ моими глазами, невольно возстаютъ изъ памяти картины прошлаго. Живо представляется мнѣ, какъ въ учебномъ заведеніи мы, вмѣстѣ съ тобою, читали и пѣли на клиросѣ. Вспоминается, какъ ясно, отчетливо, прочувствованно читалъ ты псалмы и другія молитвословія; съ какимъ благоговѣніемъ относился къ храму Божию и ко всему священному, какъ помышлялъ ты о высокомъ пастырскомъ служеніи, подготавливаясь къ нему изученіемъ наукъ и практикуясь въ чтеніи евангелія, произнесеніи возгласовъ и молитвъ, вслѣдствіе чего у многихъ товарищей сложилось убѣжденіе, что ты непременно будешь монахъ. Припоминается твой добрый, незлобивый характеръ, твое добродушное отношеніе ко всѣмъ, оставшіяся въ тебѣ и на всю жизнь. Вспоминается, далѣе, какъ, вступивши въ то служеніе, къ которому подготавливался, воспріявши благодать священства, ты истово, благоговѣнно, съ искреннею религіозностію, совершалъ богослуженія, ревностно исполнялъ свой пастырскій долгъ и такимъ образомъ данный тебѣ талантъ не зарылъ въ землю, но, насколько возможно, служилъ имъ Господу Богу и ближнимъ. Теперь ты окончилъ свое *земное* служеніе, но уповаю, что будешь продолжать его и за гробомъ, ибо съ тѣхъ поръ, какъ Христось воскресъ и Своею смертію нашу смерть побѣдилъ, для христіанъ смерти нѣтъ. Въ римскихъ катакомбахъ, надъ могилою одного христіанина, найдена была краткая надпись, состоящая всего изъ двухъ словъ, но за то много говорящая уму и сердцу вѣрующихъ: „*Терентіанъ живетъ*“. Вѣрую, что и ты не умеръ, но *живешь*, будешь жить вѣчно и будешь тоже служить Господу, ибо наше служеніе продолжается и тамъ, за гробомъ. Одному иноку обители пр. Сергія явился въ видѣніи его усопшій собратъ—служи-

тель алтаря, явился прислуживающимъ въ алтарѣ. Что это значитъ? спросилъ инокъ.—А какъ же, отвѣчалъ усопшій, мы вѣдь и тамъ служимъ также Господу Богу. Да сподобить же и тебя Милосердый Господь служить Ему предъ Его *небеснымъ* престоломъ, какъ служилъ ты Ему предъ *земнымъ*. А теперь прости, мой дорогой товарищъ, прости и прощай или, вѣрнѣе, не прощай, а только *до свиданія*, до свиданія въ загробномъ мірѣ!

